

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.1.039

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЛЕДИЯ Л. Н. ГУМИЛЕВА

П. С. Громова

Тверской государственный университет, Тверь

В статье сопоставляются характерные черты романтического героя и пассионарной личности, как ее понимал Л. Н. Гумилев. Делается вывод о том, что теория пассионарности может быть применена при анализе художественной литературы, поскольку позволяет уточнить и углубить понимание данного литературного феномена.

Ключевые слова: романтизм, романтический герой, русская литература, пассионарность, Л. Н. Гумилев.

Теория пассионарности Л. Н. Гумилева спорна и неоднозначна. Вот уже не одно десятилетие она остается предметом обсуждений в научном мире. В 2013 г. в издательстве АСТ вышел сборник статей «Лев Гумилев: Теория этногенеза: великое открытие или мистификация?» [5], в котором представлены наиболее интересные работы самого Гумилева, его сторонников и оппонентов, начиная с 1970 г., однако он вовсе не подвел итог дискуссии вокруг теории пассионарности, даже скорее наоборот, дал ей новый импульс.

У теории пассионарности до сих пор есть как противники, так и сторонники, последователи и даже пропагандисты. Например, доктор исторических наук, профессор Л. С. Клейн, близко знавший Гумилева, называет ее «красивым мифом», упрекая в бездоказательности и даже вторичности [8]. Теория пассионарности зачастую «не находит понимания и поддержки некоторых ученых из-за якобы неподтвержденных ряда ее положений фактическими данными или потому, что с некоторыми их трактовками можно не соглашаться либо их трудно объяснить» [6, с. 51]. Вместе с тем в научном мире утверждается значение главного положения теории о природно-биологическом характере этноса и выявленных Гумилевым закономерностей протекания процессов возникновения и эволюции этносов. Через феномен пассионарности показывается взаимосвязь поведенческих стереотипов человека и среды его обитания, а также формирование социальных поведенческих сценариев [3]. Все это говорит о научном потенциале данной теории. Нам представляется, что он выходит за пределы этнологии и историографии.

© Громова П. С., 2023

Как отмечал в одном из своих докладов доктор филологических наук, профессор В. А. Редькин, сочинение «Этногенез и биосфера земли», представляющее собой ядро теории пассионарности, обладает особенностями художественного произведения. Гумилев в своих сочинениях стремился не только воссоздать сюжеты и конфликты в развитии человеческой цивилизации, но и объяснить механику глобальных историко-культурных процессов. Все это привело к некоей «литературности» истории. Кроме того, в качестве примеров, иллюстрирующих теорию, наряду с реальными историческими фактами и личностями (Наполеон, Александр Македонский, Люций Корнелий Сулла и др.) часто фигурируют эпизоды и герои литературных произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, А. П. Чехова и других классиков. Поэтому, а также по ряду других причин, с нашей точки зрения, допустимо применение теории Гумилева в литературоведении. Представляется, что эта теория способна дополнить и расширить наше понимание как и собственно литературного, так и в целом культурно-исторического процесса.

Так, в литературоведческом обиходе часто используется понятие «романтический герой». Герой романтической литературы является одним из первых русских национальных литературных типов. Однако сравнительно четкого его определения нет – какие, например, есть у понятий «лишний человек», «маленький человек» и «новый человек». Чаще всего романтического героя определяют как героя романтической литературы, то есть как героя литературных произведений, относящихся к данному направлению, что, по сути, является тавтологией. Реже романтического героя определяют как героя литературы соответствующего хронологического периода (последние годы XVIII в. – первая треть XIX в.), что не только неточно, но и ненаучно. Такая содержательная и терминологическая неоднозначность обусловлены сложностью и многогранностью личности романтического героя, эволюцией ее изображения в художественных произведениях, различиями авторских стратегий в области построения сюжетов и раскрытия конфликтов и т.д. М. М. Бахтин вообще отказывает романтическому герою в статусе типа, определяя его наряду с «классическим» героем как характер [1, с. 165–168]. Действительно, герои романтизма существенно различаются характерами и логикой раскрытия образов, и та типологическая общность, которая у них, безусловно, есть, скорее ощущается интуитивно, чем поддается определению. Представляется, эту типологическую общность можно определить именно как пассионарность.

Пассионарность в определении Гумилева – это характеристика поведения, «способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, – к нарушению инерции агрегатного состояния среды» [2, с. 296], «врожденная способность организма абсорбировать

энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы. У людей эта способность колеблется настолько сильно, что иногда ее импульсы ломают инстинкт самосохранения, как индивидуального, так и видового, вследствие чего некоторые люди, по нашей терминологии – пассионарии, не могут не совершать и совершают поступки, ведущие к изменению их окружения» [Там же, с. 359]. То есть пассионарность – это характерологическая доминанта, необоримое внутреннее стремление индивида, осознанное или чаще неосознанное, направленное на достижение какой-либо цели. Эта цель порой иллюзорна. Однако она представляется пассионарию ценнее собственной жизни, не говоря уже о жизни своих современников. Гумилев подчеркивает, что энергия пассионарности реализуется в виде осмысленных, социально значимых действий. Зачастую пренебрегая инстинктом самосохранения, пассионарные личности стремятся раскрыть свой потенциал в социальной деятельности, искусстве, науке и т.д. Пассионарные женщины, как правило, реализуются в любви. Вместе с тем «пассионарность может проявляться в самых различных чертах характера, с равной легкостью порождая подвиги и преступления, созидание, благо и зло, но не оставляя места бездействию и спокойному равнодушию» [Там же, с. 291].

Даже столь краткий обзор теории Гумилева (одного определения этого явления) позволяет говорить о том, что романтическая личность имеет именно пассионарную природу. Это неординарная натура, «яркая индивидуальность с необычайной интенсивностью переживаний, с переливом всевозможных, подчас контрастных и непримиримых настроений – от неукротимой мятежности до гармоничного примирения с миром, от любви к человечеству до презирающего мир индивидуализма» [4]. В теории Гумилева мы можем найти много аспектов, которые совпадают с проблематикой, выстраиваемой вокруг образа романтического героя. Обозначим некоторые из них на примере героев русской романтической повести 30–40 гг. XIX в. и произведений, появившихся в последующие десятилетия, но в той или иной степени содержащих романтические мотивы.

Как истовый пассионарий, романтический герой ставит на первое место самореализацию и пренебрегает инстинктом самосохранения, ломает инерцию традиции ради прорыва к чему-то принципиально новому. Таких героев мы можем видеть, например, в повестях В.Ф. Одоевского «Живописец» и «Сильфида». «Горемычный» и «беспутный» молодой художник Данила Петрович («Живописец»), уверенный в своем таланте, «спесив»: он отказывается работать на немецкого мастера и следовать его наставлениям. Он не хочет угождать примитивным вкусам публики, его цель – высокое искусство, отражение на холсте одухотворенных образов тонкого мира. Живописец убежден в том, что его ждет признание, оно для него важнее прибыли от ремесла: «И что я-де теперь, матушка Марфа

Андреевна, буду на воле работать, на себя, и вся публика-то, все господство-то меня узнает, и картину на выставку-то поставлю, золотом-то я все сундуки отцовские засыплю... и я-то буду художник» [7, с. 356]. Судьба молодого человека оказывается трагичной: он остается непонятым и умирает в бесславии, а его единственный шедевр погибает. Сходна судьба Михаила Платоновича из повести «Сильфида»: увлекшись тайными науками, он вызывает стихийный дух, который открывает ему тонкий мир. Погружение в него грозило герою гибелью, но для него это было бы счастьем. Возвращение к обыденной жизни (вполне благополучной, по мнению соседей и рачительных друзей), погружение в «животный сон» становится для него драмой. Но больше, чем об утрате связи с тонким миром, герой горюет о невозможности реализовать свой творческий потенциал, открывшийся в нем благодаря соприкосновению с этим миром: «Вы разобрали поэзию по частям: вот тебе проза, вот тебе стихи, вот тебе музыка, вот живопись – куда угодно? А может быть, я художник такого искусства, которое еще не существует, которое не есть ни поэзия, ни музыка, ни живопись, – искусство, которое я должен был открыть и которое, может быть, теперь замрет на тысячу веков: найди мне его! может быть, оно утешит меня в потере моего прежнего мира!» [Там же, с. 194]. Пассионарность определяет систему приоритетов обоих героев, отличную от общепринятой, и в этой системе социально значимая самореализация, хотя и приводит героев к катастрофе, оказывается важнее собственной жизни.

По Гумилеву, творческая пассионарность, в отличие от социально-исторической, «слабая, но действенная». Вместе с тем он утверждает ее значимость: «Стихи ли, картины ли, театральные представления – все это действует на воспринимающих людей и меняет их» [2, с. 327]. Это такое же преодоление традиции – «инерции масс» [Там же, с. 319], как и непосредственные социальные преобразования. Согласно рассматриваемой теории, произведения искусства представляют собой «кристаллы пассионарности», которые сами по себе «не имеют собственной пассионарности, не способны к развитию и преображению» [Там же, с. 333], однако сохраняют и передают пассионарную энергию тем, кто приобщается к ним. Таким образом, возникает параллель с еще одним важным для романтизма мотивом преображающей силы искусства. В сюжете этот мотив реализуется, как правило, в виде духовного пробуждения героя, происходящего под воздействием того или иного произведения искусства (Н. Павлов «Ятаган», Л. Н. Толстой «Альберт» и др.).

Действительно, согласно Гумилеву, пассионарность заразительна. «Это значит, что люди гармоничные (а в еще большей степени – импульсивные), оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны» [Там же, с. 308]. Соответствующим примером может служить сопоставление об-

разов Наполеона (однозначно пассионария) и Андрея Болконского (гармонической личности) в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», которым иллюстрирует свои воззрения сам Гумилев: «Я беру в качестве примера такого литературного героя, который все выполняет очень хорошо. Он и прекрасный полковник, и заботливый помещик, хранитель своей дворянской чести, верный муж своей первой жены, верный жених своей новой невесты. Абсолютно гармоническая личность, причем и работает он хорошо – не за страх, а за совесть, но ничего лишнего он не сделает; это вам не Наполеон, который так же, как и Александр Македонский, неизвестно для чего завоевывал страну за страной и даже такие страны, которые он явно не мог удержать, например Испанию или Россию. Наполеон бросал людей на смерть ради иллюзии, ради славы Франции, как он говорил, а по существу – ради собственного властолюбия. Андрей Болконский ничего такого не сделает. Он хороший человек, у него все приведено в ажур, он делает только то, что надо, и делает хорошо; достойный уважения человек» [Там же, с. 630]. Тот факт, что Андрей Болконский поднимает упавшее знамя и, рискуя своей жизнью, ведет солдат в атаку, не делает из него пассионария, потому что, по Гумилеву, он лишь транслирует пассионарный импульс, воспринятый им.

Еще один интересный пример мы можем обнаружить в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный». Главный герой Никита Романович несомненно обладает пассионарным потенциалом. Он действует чаще всего неосознанно, под влиянием сиюминутного импульса и не рефлексировать над своими поступками, в каждой ситуации следуя идеалам чести и долга. Вместе с тем ему удастся увлечь своим примером Максима Скуратова, сына Малюты, и помочь тому преодолеть мировоззренческий кризис и обрести свой жизненный путь. Под влиянием Серебряного в дурных поступках раскаиваются разбойники. Они принимают решение искупить свои грехи и отправляются защищать Русь от нашествия татар. Цельность личности и моральные качества Серебряного производят впечатление даже Ивана Грозного, и хотя царь не отказывается от своей политики и продолжает казнить «самых лучших, самых знаменитых граждан», князю удастся избежать казни. Финал романа перекликается с сюжетами многих романтических произведений: вскоре после прощания с возлюбленной, принявшей постриг, Серебряный погибает в битве с татарами, и вместе с ним гибнет вся его разбойничья дружина. Зачастую пассионарному герою больше ничего не остается, как отправиться на войну после утраты возлюбленной (роман И. С. Тургенева «Рудин», повесть А. А. Бестужева (Марлинского) «Ночь на корабле» и др.). Однако движет героем не столько разочарование в любви и стремление к гибели, сколько желание реализовать свой пассионарный потенциал, который по тем или иным причинам не находит выхода в обыденной действительности. Непримируемый к

косным, зачастую порочным устоям общества, но и будучи не в силах их изменить, такой герой ищет битвы, «бури, как будто в буре есть покой», поскольку его пассионарная природа требует выхода энергии.

Развивая эту мысль, следует указать на то, что теория пассионарности соотносима с одним из основных романтических конфликтов – с конфликтом личности и общества. Гумилев подчеркивает трагедию пассионарного героя, который необходим этносу в переломные моменты развития, но оказывается не востребован в условиях мира и стабильности. «В тихие эпохи», когда социальный запрос на пассионарные личности отсутствует, «идеалом становится умеренный и аккуратный семьянин» [Там же, с. 313]. Отсылка к А. С. Грибоедову представляется отнюдь не случайной. Страстному и прямолинейному, хотя и, по справедливой мысли А. С. Пушкина, смешному и не такому уж и умному Чацкому Софья предпочитает «умеренного и аккуратного» Молчалина, следуя не только сюжетному шаблону составлявшей, по всей видимости, ее воспитание сентиментальной литературы (мезальянс), но и практическим соображениям. Так же Вероника в повести Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок» мечтает не о муже-поэте и художнике, а о муже – надворном советнике. Фантастическим приключениям она предпочитает роль примерной жены в белом чепчике, в новых сережках, которой любовались бы прохожие, наблюдающие за ней с улицы. В условиях, когда нет социального напряжения, которое требовало бы от пассионариев активных действий, «взаимопонимание между ними и массами обывателей утрачивается» [Там же, с. 314]. Пассионарные личности оказываются исторгнутыми обществом, они изгоняются или уничтожаются. Романтический герой так же оказывается не понят окружающими и подвергается с их стороны тем или иным притеснениям. Например, Гаврила, молодой купеческий сын в повести М. П. Погодина «Черная немочь»: его страсть к образованию, наукам и искусству, стремление к духовной жизни входит в непримиримое противоречие с жизнью и бытом его семьи и сословия, к которому она относится. Это противоречие оказывается непреодолимым, и герой оканчивает жизнь самоубийством. По Гумилеву, сама по себе пассионарная энергия не является ни позитивной, ни негативной, но последствия ее воздействия могут быть как теми, так и другими. Деструктивное воздействие этой энергии может быть направлено пассионарием и на окружающих (применительно к романтизму в таком случае мы можем говорить об inferнальном герое), и на самого себя (тогда романтический герой становится скитальцем, безумцем, самоубийцей). Соотношение данной теории с сюжетными решениями романтической литературы требует более подробного исследования.

Гумилев отмечает, что «пассионарии, ненужные, а подчас мешающие обществу, умирают без законного потомства» [Там же, с. 313]. У

романтических героев-странников, скитальцев действительно нет дома, семьи, у них может быть только так или иначе несчастная любовь. У И. С. Тургенева в статье о «Фаусте» И. В. Гете появляется выражение: «человек <...> без всякой внешней опоры»: по мнению писателя, «Гёте <...> первый заступился за права – не человека вообще, нет – за права отдельного, страстного, ограниченного человека; он показал, что в нем таится несокрушимая сила, что он может жить без всякой внешней опоры и что при всей неразрешимости собственных сомнений, при всей бедности верований и убеждений человек имеет право и возможность быть счастливым и не стыдиться своего счастья» [9, т. I, с. 216]. Несмотря на эти «права и возможности», у самого Тургенева герои «без внешней опоры» далеко не являются счастливыми людьми. По наблюдениям И. И. Чайковской, «Рудин, Инсаров, Лаврецкий, Литвинов... Все как на подбор бессемейные или с распавшимися браками, не имеющие постоянного пристанища и какой-либо внешней зацепки. Это не значит, что они не мечтают о «гармонии». Но судьба <...> распоряжается по-своему и разрушает их мечты» [10]. Таким образом, пассионарная энергия, оставаясь нереализованной и переданной, бесследно развеивается в мире.

Ряд параллелей между образами романтического героя и пассионария отнюдь не исчерпывается приведенными примерами, его можно продолжить. Однако уже сделанные наблюдения свидетельствуют в пользу литературоведческого потенциала теории Гумилева. Теория пассионарности, в сущности, описывает именно романтического героя, позволяет уточнить определение его сущности, выявить его основополагающие особенности. Кроме того, представляется возможным выстроить на ее основе новую классификацию героев романтической литературы и уточнить связи романтического героя с более поздними литературными типами.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с.
2. Гумилев Л. Н. *Passionarium*. Теория пассионарности и этногенеза. Москва: АСТ, 2016. 936 с.
3. Краева О. Л., Пестрецов А. Ф. Пассионарность как интегрирующий фактор национальной общности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2006. № 1(5). С. 548–553.
4. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 6 Москва: Советская Энциклопедия, 1962–1978 [Электронный ресурс] // ФЭБ «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения: 09.01.2023).
5. Лев Гумилев: Теория этногенеза: великое открытие или мистификация? Сборник статей / ред. Е. Серебрякова. Москва: АСТ, 2013. 703 с.

6. Маслова О. В. Пассионарность: природа, сущность, содержание, влияние на этносоциальные процессы в теории этногенеза Л. Н. Гумилева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4(26). С. 43–53.
7. Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. Москва: Художественная литература, 1988. 382 с.
8. Пассионарность – красивый миф: интервью с Л. С. Клейном [Электронный ресурс] // Antropogenez.ru – Эволюция человека. URL: <https://antropogenez.ru/interview/717/> (дата обращения: 09.01.2023).
9. Тургенев И. С. Фауст, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 1. Москва: Наука, 1978. С. 197–235.
10. Чайковская И. И. «Немецкая нота» в жизни Ивана Тургенева и Полины Виардо. К вопросу о построении жизненной модели [Электронный ресурс] // Мы: Международный русский проект. URL: https://wir.com.ru/news/nemeckaya_nota_v_zhizni_ivana_turgeneva_i_poliny_viardo (дата обращения: 26.12.2022).

LITERARY CRITICISM OF THE L. N. GUMILYOV'S LEGACY

P. S. Gromova

Tver State University, Tver

The article compares the characteristic features of a romantic hero and a passionate personality, as understood by L. N. Gumilev. It is concluded that the theory of passionarity can be applied in the analysis of fiction, since it allows clarifying and deepening the understanding of this literary phenomenon.

Keywords: *romanticism, romantic hero, Russian literature, passionarity, L. N. Gumilyov.*

Об авторе:

ГРОМОВА Полина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Gromova.PS@tversu.ru.

About the author:

GROMOVA Polina Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Gromova.PS@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.01.2023 г.

Дата подписания в печать: 27.02.2023 г.